

VIII. ОТ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ К ГЕНДЕРНЫМ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯМ: СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

ЖЕНСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ СУБДИСЦИПЛИНЫ. ЖЕНСКАЯ И ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Чикалова Ирина

*доктор исторических наук, и.о. профессора
кафедры всеобщей истории БГПУ имени М. Танка,
руководитель Минского центра гендерных исследований,
Женский институт "ЭНВИЛА"
(г. Минск, Беларусь)*

Появление категории *гендера* в общественных и социальных науках, субдисциплины *гендерных исследований* и гендерных исследований применительно к отдельным областям знаний (например, истории) стало одним из наиболее заметных событий последнего тридцатилетия в современных социальных науках¹. Само понятие гендера оформилось терминологически в процессе развития теории феминизма, женских, а затем и собственно гендерных исследований, и стало одним из наиболее важных понятий, концептуализированных феминистской эпистемологией².

В начале 1980-х гг. термин *гендер* был введен в исследовательскую повестку либеральными феминистами для анализа депривированного положения женщин, а затем был теоретически использован радикальными феминистами, становившимися все более влиятельными в университетах (и в программах Women's Studies), в качестве ключевой категории для анализа властных иерархий и взаимозависимостей, пронизывающих собой все общество и его институты. На этом этапе концептуализируются понятия *маскулинности* и *феминности*, а также социальной конструкции *сексуальности*, без которых анализ гендера и его моделирования уже неосуществим.

Выдвижение гендера в качестве категории анализа позволило расширить исследовательскую повестку. Например, заняться изучением того, как гендер (социальный пол) соотносится с анатомическими половыми различиями; как гендерные отношения конституируются и поддерживаются (в жизненном цикле человека и более широко — в качестве социального опыта, ограниченного временем); как гендерные отношения соотносятся с другими видами социальных отношений, такими, как классовые или расовые; что становится причиной, ведущей к изменениям в гендерных отношениях с течением времени; каковы

¹ Проблеме институализации гендерных исследований на постсоветском пространстве посвящен специальный номер издаваемого ХЦГИ журнала "Гендерные исследования" (2000, № 5).

² Более подробно о категории "гендер" см.: Чикалова И.Р., Янчук Е.И. *Гендер* //Новейший философский словарь: 2-е изд., переработ. и дополн. - Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом. 2001.

взаимоотношения между формами сексуальности и гендерными отношениями; существуют ли только два, а если не два, то сколько гендеров; каковы взаимоотношения между формами мужского доминирования и гендерными отношениями; перестанет ли быть актуальным вопрос о гендерных отношениях в эгалитарных обществах; имеется ли нечто отчетливо мужское или женское в способах мышления и социальных отношениях, и, если имеется, то являются ли данные различия врожденными или социально сконструированными; являются ли гендерные различия социально полезными или необходимыми, а если да, то каковы последствия этого для феминистской цели достижения "гендерной справедливости".

Все эти вопросы поставили гендер в фокус дискуссий гуманитариев. Он был признан центральной категорией для анализа структур власти, организации социальных и культурных институтов, моделей идеологического контроля в современном обществе. Утверждение гендера в качестве категории анализа стало одной из самых важных перемен в общественных и гуманитарных науках в 1980-е гг.

Проблематизация категории гендера внутри феминистской области "женских исследований" (Women's Studies) вызвала к жизни появление новой научной междисциплинарной субдисциплины — "гендерных исследований" (Gender Studies). Они стали развиваться как субдисциплина внутри феминистской мысли в области истории, антропологии, психологии, языкознания, литературоведения, переместив акцент с исследований женщин, что было характерно для 1970-х гг., на изучение гендерных отношений, включающих как женщин, так и мужчин. "Гендерные исследования" превратились в междисциплинарную исследовательскую область, в рамках которой стал осуществляться анализ властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования. От "женских исследований" гендерные исследования отличает иной исследовательский интерес. Для первых, особенно в 1970-е гг., было важно указать и продемонстрировать различия между мужчинами и женщинами, выявлять и распространять информацию о женщинах и, таким образом, создать фундамент для дальнейшего теоретического анализа. Получив толчок для своего развития от *женских исследований*, в *гендерных исследованиях* акцент переместился от изучения неравноправного специфического положения женщины, обсуждения и осуждения патриархата к исследованию более широкого социального контекста, анализу *гендерной системы*.

Развитие "Исследований мужчин" ("Men's Studies"), "Гей/Лесбийских исследований" ("Gay/Lesbian Studies"), "Квиер исследований" ("Queer Studies") стало ключевым для переноса акцента в исследованиях с женщин на механизмы функционирования властного дискурса. С этого момента начинаются *гендерные исследования* как таковые, включившие

¹ См.: Flax J. Postmodernism and Gender Relations in Feminist Theory // Nicholson L.J. (ed.) *Feminism/Postmodernism*. New York and London: Routledge, 1990.

в область своего исследовательского интереса также проблемы социального конструирования *маскулинности* и *сексуальности*. В 1990-е гг. "гендерные исследования" уже выступают в качестве междисциплинарной исследовательской субдисциплины, отделившейся от "женских исследований", став новейшим концептуальным проектом постфеминизма, в рамках которого реализуются новые возможности гендерного подхода для анализа властных взаимозависимостей и иерархий, структур власти и подчинения, систем доминирования в общественной и частной сферах. На этом этапе усиливается теоретическая роль в развитии "гендерных исследований" ранее периферийных областей, вышедших из невидимости, "Men's Studies", "Gay/Lesbian Theory", "Queer Theory".

Концептуализация понятия гендера превратила его в важнейшую категорию исторического анализа. Но прежде чем станет возможным оперировать ею, необходимо произвести процедуру извлечения самих, прежде "невидимых" женщин, из темноты прошлого, дать им "свою" историю. Долгое время из-за господства "биологизаторской" идеологической парадигмы, абсолютизированной анатомические различия между мужчинами и женщинами, многие сферы человеческой жизнедеятельности оказались как бы "естественно" разделенными на "женские" и "мужские", частные и публичные. Разделение, обусловленное полом, отразилось соответствующим образом на содержании исторической науки и репрезентации истории. Для них характерным явилось четкое фиксирование стандартов женского и мужского поведения, признание соответствующей атрибутики пола "на все времена" и для всех народов; сегрегация женщин и женского внутри научного дискурса с подчас дискриминационным подтекстом ("женская сфера", "женское занятие", "женская логика"). Сами же женщины практически полностью игнорировались в научных исследованиях. Центральный дискурс исторических трудов конструировался таким образом, как будто женщины и их групповые интересы концептуально несовместимы с историческим исследованием.

На первый взгляд, приоритет, отдаваемый всестороннему изучению экономического и политического развития стран и регионов, истории конфликтов и боевых действий, оперирование обобщающими терминами (народ, жители, население, трудящиеся, рабы, рабовладельцы, крестьяне, феодалы, землевладельцы, рабочие, буржуазия, представители власти, политические деятели, политическая элита, армия, защитники отечества, офицеры, герои и т.д.) не имеет ничего общего с исключением женщин из канвы исследований. Наоборот, оно как бы свидетельствует о том, что женщины не изучаются в связи с незначительным присутствием женщин в армиях, в руководстве стран и других важных областях жизни, отсутствием значимых следов их участия в общественно-историческом процессе. В обратном случае, возможно, все было бы иначе — ведь написаны труды о великих женщинах! Но при традиционном подходе шансов на

развитие, по определению Н.Л. Пушкаревой, "исторической феминологии" мало, поскольку исторический процесс реконструируется историками как цепь принимаемых решений и событий, происходящих в рамках четко обозначенной т.н. *общественной сферы*, на фоне которой невидимой оставались все те, кто был вытеснен в "непрестижную" *приватную* сферу. Ими, прежде всего, были женщины.

Как следствие, знание конструировалось и зачастую продолжает конструироваться таким образом, что значительным группам населения в нем не находится места. В результате происходило формирование соответствующего отношения к этим группам людей как к "иным", "ненастоящим". А что касается научного исследования таких групп в семейной, приватной жизни, по воспроизводству хозяйства семьи, то оно, в лучшем случае, рассматривалось как вспомогательное, само по себе маргинальное. Поэтому женщины в этих сферах тоже практически оставались вне изучения. Для включения "забытых" женщин нужна была смена идеологических парадигм, которая и состоялась во многом благодаря активному развитию феминистской эпистемологии. Вытеснение биологизаторской и утверждение на ее месте социально конструктивистской парадигмы происходило благодаря концептуализации и проблематизации новых или широко не использовавшихся прежде научных категорий.

Во-первых, произошла концептуализации понятия патриархата. Само введение этого понятия в научный дискурс не является несомненной заслугой феминистов второй волны. Использованное Ф. Энгельсом в работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" для характеристики общества, пришедшего на смену материнскому роду в период разложения первобытнообщинного строя, оно оказалось незаслуженно забытым и стало прочно ассоциироваться с "детством" истории: "ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил бразды правления в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения. Это приниженное положение женщины, особенно неприкрыто проявившееся у греков героической и — еще более — классической эпохи, постепенно было лицемерно прикрашено, местами также облечено в более мягкую форму, но отнюдь не устранено. Первый результат установившегося таким образом единовластия мужчин обнаруживается в возникающей теперь промежуточной форме — патриархальной семье", существенным признаком которой является отцовская власть: "Цивилизации соответствует и вместе с ней окончательно утверждает свое господство новая форма семьи — моногамия, господство мужчины над женщиной"¹.

Параллельно процессу утверждения патриархата, государства и, соответственно, общества гендерного неравенства шел процесс

¹ Энгельс Ф. "Происхождение семьи, частной собственности и государства" // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти тт. Т. 6. М., 1987. Сс 139, 241.

утверждения классового общества. Именно "класс" в качестве категории общественной стратификации и такие его производные как "классовая борьба", "социально-экономическая формация", "социальная революция" (но в применении лишь исключительно к борьбе классов и в качестве ее итога) стали предметом исследования историков (не обязательно марксистов). О патриархате забыли, и само общество с точки зрения пола/гендера не подвергалось изучению, пока на это обстоятельство не обратили внимание феминистские исследователи, которые дали развернутое описание патриархата. Патриархат — это система (экономическая, социальная, культурная), обеспечивающая доминирование мужчин в обществе и семье, которое осуществляется в различных формах: разделении сфер труда, сегрегации женщин и вытеснения их в особые "женские сферы"; практике двойных стандартов, различающихся для мужчин и для женщин; лингвистической дискриминации последних; неравном доступе к образованию и институтам власти. В этой системе интересы женщин подчинены интересам мужчин, а в более широком смысле — патриархатной власти, которая основывается на тех социальных значениях, которыми общество наделяет биологическое различие между мужчинами и женщинами. Патриархатные отношения являются структурными: они укоренены в институтах и в социальных практиках общества.

Во-вторых, состоялись концептуализация понятий *общественного* и *приватного* пространств в патриархатном обществе, в которых мужчины и женщины играют несимметричные роли, и проблематизация вопроса о соотношении между *общественным* и *приватным*. Патриархатное общество характеризует отчетливая дихотомия двух сфер жизнедеятельности: *общественной* — первичной и *приватной* — вторичной и, соответственно, не обладающей высоким статусом. Различие между *общественной* и *приватной* сферами сложилось и существует как отражение отношений власти и подчинения между мужчинами, монополизировавшими сферу *общественного*, и контролируемые ими женщинами, вытесненными в область *приватного*. Поэтому, если субъект истории (а соответственно и политики), в качестве которого традиционно выступал мужчина, всегда был объектом интенсивного исследования, то участие женщин в событийной истории (которое было действительно минимальным в силу вытеснения женщин из сфер общественной жизни, особенно до предоставления им политических прав и расширения их участия во внесемейном хозяйстве) не изучались по вполне *объективным* причинам: их там просто не было. Но вместе со смещением исследовательского интереса с изучения общества на макроуровне и переходом историков к изучению его (особенно до-нового времени) на микроуровне возникли совершенно новые объекты исследования: семья, детство, старость, повседневность, жизнь и смерть человека. Включение женщин в научный дискурс стало неизбежным.

В-третьих, произошла концептуализация категории гендера, получившего статус,

равнозначный по значимости категориям "класс" и "этнос". Выделение к тому же новых стратификационных параметров (возраст, семья, физическое состояние, сексуальность) и изучение общества на их основе, безусловно, обогащает историческую науку более объемным знанием об обществе и протекающих внутри него процессах, а методологию исторического исследования — новым инструментарием. Использование в качестве основы для изучения исторических срезов любого из названных параметров перспективно и с методологической и с эпистемологической точки зрения. Что касается гендерного анализа общества, то он не обязательно полностью подменяет собой классовый, но, используемый в сочетании с ним, позволяет создать более объемную панораму общества.

Активно развиваясь, "история женщин" включила в сферу своих интересов почти все вопросы, имеющие отношение к их жизни в разные эпохи, и дала импульс к созданию нового направления в историографии — "гендерной истории". Что же представляет из себя логика развития последней? Каким образом концептуализация категории "женщин" и "гендера" повлияла на формирование и развитие гендерной истории?

Включение на первом этапе в историческую канву вычеркнутых из официальной "мужской" историографии женщин, привело к созданию "истории женщин", т.н. "ее истории" ("her-story" в противовес "his-story" — "его истории"). На втором этапе, в середине 1970-х гг., традиционный социально-классовый анализ общества был дополнен фактором различия полов, а статус исторического лица было предложено рассматривать как специфическую комбинацию индивидуальных, половых, семейно-групповых и классовых характеристик. Так "женская история" стала соединяться с историей общества посредством выяснения конфликтующих интересов и альтернативного жизненного опыта женщин разных социальных категорий и исторически сложившихся отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами в патриархатных структурах классовых обществ. На следующем этапе, вместе с концептуализацией понятия гендера, в 1980-е гг. сложилось направление, в котором центральным предметом исследований выступает уже не "история женщин", а история властных взаимоотношений, иерархических взаимозависимостей и взаимосвязей между мужчинами и женщинами, т.е. гендерных отношений, которые, будучи одним из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики. Основные теоретико-методологические положения гендерной истории впервые сформулировала американский историк Джоан Скотт в докладе "Гендер: полезная категория исторического анализа", озвученном на пленарном заседании ежегодной конференции *Американской ассоциации историков* в декабре 1985 г. и через год опубликованном в виде статьи в *American Historical Review*. Траектория современного исторического

знания, в ее трактовке, развивается от истории как бы бесполой, по форме всеобщей, но, по существу, игнорирующей женщин к ее зеркальному отражению — однополой "монологической" "женской истории" и далее — к "диалогической" истории *гендерных отношений*. Это и есть обновленная и обогащенная социальная история, расширившая свое предметное поле и включившая в него все сферы межличностных отношений как в общественной, так и в частной жизни. Наиболее полный теоретико-историографический анализ развития женской и гендерной истории в русскоязычной литературе представлен статьями Н.Л. Пушкаревой и работами Л.П. Репиной.

Программы заседаний Международных конгрессов исторических наук, начиная с 1960-х гг. стали отражением изменений исследовательского интереса ученых в сторону более "тщательного изучения повседневной жизни людей в разные исторические эпохи"¹, которое без включения женщин уже невозможно. Рост числа исследователей на Западе, задействованных в "женских исторических исследованиях", привел к оформлению соответствующих организационных структур. В 1990 г. на XVII Международном конгрессе исторических наук была создана "Международная федерация исследователей, изучающих историю женщин", объединившая ученых нескольких десятков стран. Тем самым манифестировалось признание "женской темы", которая к тому же достаточно быстро насыщалась фундаментальными разработками.

У нас число историков, решивших связать свою научную биографию с новым направлением, пока сравнительно невелико, хотя уже можно констатировать наличие перемены. Результатом активизации работы историков в области гендерных исследований стало появление сборников научных статей в Минске "Женщины в истории: возможность быть увиденными", в Санкт-Петербурге "Гендерная история: Pro et Contra", в Москве альманаха "Адам и Ева", первые выпуски которых состоялись в 2001 году. Их авторы используют широкие возможности гендерного анализа в изучении различных исторических эпох и сфер человеческой деятельности, рассматривая прошлое и настоящее сквозь призму взаимоотношений между полами и социокультурных представлений о "мужском" и "женском". Первые результаты развития новой области на постсоветском пространстве свидетельствуют о наметившемся преодолении кризиса, в котором оказалась историческая, как и социальная наука в целом, после упразднения монополии классового анализа в исследовании общественных процессов.

¹ См.: Тихвинский С.Л. Итоги XIX Международного конгресса исторических наук в Осло // Новая и Новейшая история, 2001, № 1. С. 7.